

V. V. Bublikov

Transformation of the ethnic identity of the bi-ethnic Russian-Ukrainian population of Western Siberia (based on the materials of field research in 2020 in the Altai Territory and the Omsk Region)

Annotation. Empirical studies carried out in 2020 in the regions of traditional residence of the Russian-Ukrainian population in Western Siberia indicate that this ethnogroup, based on

the transformation of ethnic self-identity during life, is divided into two approximately equal groups: those persons who had a feeling of double ethnicity according to their own assertion always and those for whom the ratio of the Russian and Ukrainian components of ethnicity changed under the influence of certain factors that are considered in the article. **Keywords:** *ethnic identity, multiple ethno-identity, Russians, Ukrainians, Russian-Ukrainians, Western Siberia.*

Источники и литература

1. Степанов В. В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистического измерения // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 62–88.
2. Бубликов В. В. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. «Философия. Социология. Право». 2019. Т. 44, № 4. С. 562–574.
3. Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этнотатистика / ред. Мартынова М. Ю., Степанов В. В. Москва: ИЭА РАН, 2019. 433 с.
4. Фурсова Е. Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 748–753.
5. Люля Н. В. Украинское население Алтайского края: итоги и перспективы полевых исследований в конце XX – начале XXI в. // Вестник Алт. гос. пед. ун-та. 2019. № 4 (41). С. 109–115.

УДК 811.161.1'373.21(571.15)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-20-23

В. Е. Васильев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

Алтай в свете культа горы и неба: к проблеме происхождения топонима

Аннотация. В статье предлагается рабочая гипотеза о том, что в корне топонима «Алтай» лежит семантика священной горы, символизирующая на родовом, племенном, а затем и национально-этническом уровне сакральный центр мироздания, связанный с культами предков и божеств. Этнографические материалы Т. Д. Дыренковой свидетельствуют о тесной связи культа гор с духами-предками шаманов, которые выступали защитниками рода и племени тюрков Алтая-Саянского нагорья. Эти сведения, на наш взгляд, подтверждаются этимологическим опытом сравнений тюрко-монгольских и отчасти тунгусо-маньчжурских терминов. Смысловое единство или близкая схожесть понятий горы, предков и неба может пролить свет на архаические верования тюркских этносов, шаманизм которых восходит к общему алтайскому пласту культуры. Таким образом, ориентировочно можно предположить, что культ священного Алтая существовал в неолитическом прошлом, еще до возникновения эпохи бронзы и культуры ранних кочевников скифо-сакского мира. **Ключевые слова:** *Алтай, тюрки, монголы, этнография, этимология, семантика, культы.*

В научной литературе принято считать, что скифский мир, знаменитый золотыми украшениями, звериным стилем и курганами с конскими захоронениями, принадлежит индоиранским племенам, кочевой ареал которых охватывал Великую степь от Алтая до Причерноморья. Пришедший на смену тюркский мир многое унаследовал от культуры скифов и творчески развил духовные ценности его предшественников. Так, якутский профессор А. И. Гоголев считает, что санскритские заимствования в лексике народа саха, по мнению востоковедов, появились в доэтнический период культурогенеза якутов, когда их далекие пращуры контактировали с древнеарийскими племенами восточной ветви скифского ареала. Из всех санскритских слов-заимствований (около

200) большинство относится к сакральной лексике якутов. Иранизмами автор считает этноним саха (от сака 'олень'), имена божеств неба и солнца в лице Юрюнг Аар Тойона (Див) и солнца Юрюнг Айыы Тойона (*ai*), а также культ триады высших творцов. Влияние скифо-хуннского периода кочевничества сказалось в том, что якуты унаследовали элементы культуры пазырыкцев, общие для алтайцев, казахов, тувинцев и др. Как пример приводится алтайское слово *жалама* 'жертвенная веревка', соответствующее як. *салама* в том же значении из словаря Э. К. Пекарского [2, стб. 2040]: «*Байах сьлгы сиэллээх кутуруга саламалаах халлаан*» («Небо, которому мы жертвуем хвост и гриву здорового конного скота»). Перевод примера автор передает с уточнением: «Небо, укра-

шенное саламой (обрядовой жертвенной веревкой) из волос гривы и хвоста могучего жеребца» [1, с. 20].

Среди терминов, прямо или косвенно сравнимых с терминами индоарийцев [1, с. 23–24], имя «Алтай» отсутствует, зато около слова *байях* 'здоровый' Э. К. Пекарский поместил интересный топоним *Байагал*, *Байхал* 'Байкал' [2, стб. 343]. Такое обширное озеро с названием «Байагал» находится на севере Средней Колымы – на самой окраине тюркского мира, где еще можно разводить конный скот. Кроме Байгала, в топонимике Бурятии и Иркутской области в обилии встречаются заимствованные тюркские имена, имеющие якутские корни: Атхай («конь-скала»), Абхай («отец-медведь-скала»), Байтаг («богатая/священная гора»), Бес-Юрх («сосновая речка»), Тет-Юрх («лиственничная речка»), Кёк-Юрх («синяя речка»), Шаракул («желтое озеро») и многие др. [3, с. 71–72]. Если в западном ареале Скифии гидронимы Дон, Днепр, Дунай с древним иранским значением «полноводная река» не вызывают сомнения, и в русской литературе они величаются «Ивановичами» («тихий Дон Иванович») [4, с. 118–120], то имя Алтай, как и Байгал, является тюркизмом, проникшим в средние века в монгольскую среду. Об этом говорят топонимы Саяно-Алтая, не относящиеся к иранским заимствованиям.

Как было сказано выше, в основе имен Байкала и Алтая лежала основная черта – священность их значения для жизни людей, ибо святость в сознании древних людей напрямую была связана с продолжением рода и племени. Большие горы, реки и озера географически и символически играли роль «родителей» этносов, из поколения в поколение населяющих эти благодатные земли. Сравните русское выражение «батюшка Байкал» с бурятским образом богини Байкала Аба-хатуном (с др.-тюрк. «мать-госпожа»). При этом слово *бай* 'богатый' в ритуальной лексике тюрков имеет второе значение – 'священный'. По аналогии с этим мы можем разделить топоним «Алтай» на две составляющих и первый слог сопоставить с тюркским значением «священный», что теоретически приемлемо. Священность горы Алтай должна была распространяться и на зверей, приносимых в жертву, и на атрибуты, употребляемые в ритуале жертвоприношения.

Примечательно, что жертвенный конь *байяхат* был священным, ибо его белые грива и хвост в качестве кистей *салама* были украшением божественного неба. Отсюда появляется мысль, что слово *байях* является синонимом *жалама*, происходящего из тюркского *жал*, монгольского *дэл*, якутского *сиэл* 'гривы'. Это дает повод обратиться к обрядам народа саха, имевшим общие черты с алтайскими. В одном предании саха говорится, что будущий шаман проходил воспитание у божества судьбы Джылга-хаана. Там духи предков махали березовой веткой с пучками гривы крест-накрест и превращали кандидата в шаманы в жеребца со взлохмаченными волосами, а затем расчленили на жертвенном столе *сибиэ* из берез. При этом духи отделяли голову коня-шамана

и насаживали на кол или ставили напротив так, чтобы его душа наблюдала за процессом рассечения. После проверки всех костей они вновь собирали скелет и воскрешали шамана в новом обличье [5, с. 51]. Временное превращение рассекаемого шамана в лошадь отражает зооморфный облик тотема, который раньше представлялся в образе лося, марала или оленя – типичных животных горно-таежного ландшафта Саяно-Алтая.

Конская голова с взлохмаченной гривой (*байях ат баса*), насаженная на древко, напоминает тюркское знамя *байрак*, название которого встречается в крымском топониме Байрач (*байракчы* 'знаменосец?') [6, с. 88]. В этом свете интересны якутские слова *байдъарах*, *бадьарах*, *байраак* 'бугры округлой формы; обрыв', сравнимые с турецким *байыр* 'склон', 'холм, поросший деревьями', татарским *буерак*. Таким образом, термины *байдъарах*, *байраак* этимологически связаны с тюрк. *байыр* 'холм, пригорок, склон горы', 'косогор'; *байрак* 'гора, холм' [7, с. 112]. Отсюда видно, что конь-предок мог заменить символику горы-предка, на вершине которой тюрки водружали знамя *байрак* из конских или бычьих хвостов и волос. Здесь прослеживается символическое единство горы, тотема и знамени. Образ горы/тайги был первичен, а знамена появились в связи с развитием обрядов жертвоприношений.

В заклинании шорских шаманов встречаются слова: «*Парак паштыг пай казын...* («С пышной вершиной богатая береза...»). *Шоок, шоок, шоок! Чер енези, илиг полду, шаачыг полду!* («Шоок, шоок, шоок! Мать земли, жертвоприношение было, кропление было!») [8, с. 156, 164]. В переводе на язык саха эти слова звучат так: «*Арбах бастаах баай хатын... Чөк, чөк, чөк! Сир иньэтэ, илгэ буолла, ыһаах буолла!*» При этом термин *илиг* 'окропление' подсказывает, что шаманы назывались «илчы» потому, что брызгали пищу духам (ср. *илиг* с як. *илит* – 'намочить', *элит* – 'бросать в сторону'). При этом поэтичное выражение *арбах бастаах* (*байях бастаах?*) относится и к ветвям макушки деревьев, и волосам шаманов с взлохмаченной головой. Отсюда вырисовывается образ шаман-дерева или шамана-коня.

Семантическое единство образов горы и знамени *байрак* наводит на мысль о том, что такую же связь следует искать в словах: др.-тюрк. *буура* 'самец верблюда', рус. диал. *бугай* 'бык', *бугор* 'возвышение, холм', як. *Буор Бухар* 'старик Нижнего мира', *Бухар джолуо* 'имя сказочного быка' [2, стб. 577, 839]. Судя по имени, бык Бухар являлся носителем счастья и удачи *джолуо*. Отсюда можно предположить, что тюрки могли укреплять походные знамена на горбах верблюдов или хребтах быков, воображая их двигающимися горами, несущими счастливую судьбу. В ряде этих терминов существует триада «гора – дерево – знамя». Вспомним золотую голову волка, укрепленную на вершине холма в орде каганов тюрков. Поэтому неудивительно увидеть и на вершинах коновязей оленьи или бычьи рога как знаки предков народа саха, восходящие к памяти о

деревьях, где крепились черепа коней и быков. Так, деревья наделялись чертами предков-тотемов. Если салама на столбе багах ограждала от злых духов, то накидка ялма, утыканная сотней вражеских стрел [9, с. 229], защищала воина-тюрка потому, что несла символическую нагрузку брони из шкуры тотема-знамени.

Архаичный образ оленихи, праматери людей, присутствует в гимне *алгысе*, в котором имя богини рогатого скота и хозяйки хлева звучит как Хаан Айы-Бууга хатын [10, л. 224]. Теоним Бууга указывает на то, что в старину богиня деторождения *Айыысыт* превращалась в марала бугы или лося бура, которые в наскальных рисунках Сибири несли на рогах солнце [11, с. 137]. Эти неолитические рисунки показывают эволюцию культа богини Умай, которая из богини роженицы превратилась в покровительницу воинов, возможно, забиравшую души погибших героев. Мифология тунгусо-маньчжурских народов включает лосиху Вселенной по имени Буга, олицетворяющую богиню земли [12, с. 45–47]. При этом монгольское слово *бугэ* 'шаман', соответствующее бурятскому *бёё*, восходит к куманско-половецкому буу (бугу) 'лось', 'олень' [13, с. 194], из чего заключаем, что монгольские шаманы подражали облику и повадкам лосей и маралов. Значит, священный Алтай имел зооморфный образ, отражавший культ охотников на горных козлов и оленей.

В этом контексте следует обратить внимание на статью Б. И. Татаринцева [14, с. 74–84]. В ней автор доказывал тюркское происхождение терминов *тангры*, *тагара*, *тигир*, *тегри*, *тенгри* 'небо' которые восходят к общеалтайским *дэг-дэги* – 'подниматься', 'летать', 'летучий', 'птица'. Далее он приводил примеры: шор. *тегей* 'темя, макушка головы', 'вершина горы', 'холм', хак. *тигей* 'макушка', 'вершина горы', 'сопка, холм', тув. *тей* 'макушка', 'верхняя часть шапки', тув. *дееди* 'высший, верховный', *девиир* 'потолок, крыша', монг. *дегде* 'взлетать', *дегеду(-с)* 'лучший', 'знать', 'предки', 'небожители'. Примечательно, что тюрколог отметил этимологическую связь общеалтайских терминов, относящихся к пучку понятий: «небо», «гора», «вершина», «макушка», «птица», «предки», «божество». Для нас важно то, что термины *тей*, *тегир* родственны *тейри*, *тагара* 'небо, божество' и *таг* 'гора'.

Гора *таг* (*тав*, *тау*) теоретически может звучать как *тай/тей* со значением 'вершина горы', где тюрки и монголы приносили жертвы. Это можно установить на основе монгольских слов: *тай* 'шатер, крыша', *тавиг* (= *тахил*) 'почитание, поклонение', *тавилга* 'жертва' 'подарок', *тайлга тахилга*, *тай-х тахих* 'почитание, поклонение', *тайр* 'самец марала' [15, с. 441, 444–446]. Почитание изюбра у монголов могло трансформироваться в почитание верблюда *тайлга тэмээ* (каз. *тайлак тьюе*), скульптуру которого они делают с оленьими рогами, так же как пазырыкцы украшали коней рогами козлов и оленей. У алтайцев и телеутов горы представлялись живыми существами, предками *тёс* отдельных родов,

причем трудно было отделиться слитные образы горы и тайги от духов-хозяев, которым шорцы и хакасы устраивали обряды *тайылга* (*таг тайыз*) [8, с. 140–146, 178, 182–183]. В алтайском эпосе богатырь приносил духам горы и тайги под общим названием «алтай» девять лошадей священных (небесных) мастей [16, с. 200].

С культом домашнего очага был связан якутский образ огня *аал уот*. Свет огня в доме исходил снизу, поэтому слово *аал* 'священный, чистый' можно связать с тюрк. *алын* 'нижний'. Этимолог Г. В. Попов придерживался мнения, что як. *аал* близок к тюрк. *сал* 'очаг, место около очага', *салчы* 'повар' [7, с. 51]. Если принять эту гипотезу, то *сал от* означает 'очаг-огонь'. В алтаистике основа *ал* включается в ряд терминов: монг. *ала* 'место между ногами', эв. *алас*, *алдан* 'бедро', 'ляжка', др.-тюрк., алт., тат., тур. ал, *алын* 'низ', 'нижняя часть', 'лоб', 'перед (горы)' [17, с. 125]. Эти термины намекают на сакрализацию женского начала горы, что нашло отражение в имени якутской богини земли *Алахчын хотун*. На обряд очищения через огонь указывает закликательное слово *алас*. К ним этимологически близки тюрк. *алачык* 'шалаш', як. *аласа* 'жилище', *алаас* 'елань, место жительства', *алыы* 'узкая долина'. Вероятно, от тюркской праформы *ала таб/алын тав* происходит название Алтая – «Священная гора», из пещеры которой вышли предки тюрков. Кыпчаки почитание Земли-Воды (Йер-Сув) в образе родовой горы могли унести на запад и назвать новую родину Ала-Тав или Ала-Тау. Пегая масть священных коней *ала ат* также связана с земным культом гор и тайги.

Святость духов огня *аал уот* и Мирового дерева Аал Луук мас [2, стб. 62] подсказывает, что сакральную символику носили и халха-монгольские кони масти *ал-улаан*, в названии которой присутствует древнетюркское слово *ал* 'красный, алый', парное монгольскому *улаан* в том же значении [18, с. 43]. Если Э. В. Севортян от выяснения этимологии имени «Алтай» воздержался, то М. Фасмер, напротив, придерживается взгляда о монгольском происхождении топонима, принимая точку зрения Г. Й. Рамштедта о родстве термина с монг. *алтан* 'золото'. При этом он считал малоубедительными соображения В. В. Радлова о тюркских терминах *ал* 'высокий' и *тайга*, от которых происходит имя «Алтай» [19, с. 72]. На наш взгляд, тюрколог В. В. Радлов был ближе к истине. «Высокий Алтай» в его восприятии напоминает якутский образ почитаемого горного леса *аар тайга*, где обитал дух охоты Баай-Байанай.

Заметим, что масть монгольских коней *ал-улаан* («красный-красный») соответствует масти якутских «белых» коней *улаан ат*. В этом скрывается разгадка древнего обряда саха, сжигавших на ритуальном костре белых лошадей в честь божества солнца. Видимо, улетающая к творцам, души жертв превращались в солярных лошадей. При этом противоречия в разнице мастей священных лошадей быть не может, так как пегие лошади ассоциировались с пестротой облаков или перьев орлов и соколов. Поэтому на ве-

ревку *салама* саха привязывали в ряд пучки белой гривы и крылья птиц. В этом свете заманчиво якутское слово *байах* разделись на тюрк. *бай* 'богатый, священный' и *ак* 'белый'. Примечательно, что имя богини Алахчын происходит с монгольского *алагчин* 'пегай' (о масти самок животных) [18, с. 43]. В силу того, что белый и красный цвета имели символику солнца, древнетюркское слово *ал* могло обозначать и белый, чистый цвет. Тогда священный Алтай приобретает образ снежной горы, куда уходили души предков. Белый цвет одинаково связан с циклами круговорота жизни у людей и животных.

Таким образом, в мифологии древних тюрков Алтай должен был представляться как передняя, восточная страна, обитель богов, куда направлялись дары и жертвы в виде кумыса, белой пищи и лошадей, души которых воплощались в кисти веревок *жалама* или *салама*. Вероятно, в монгольский период древнетюркский обычай принесения в жертву коней белой, желтой и светло-рыжей масти (*ал улаан / ал кызыл*) сохранялся, в чем можно увидеть традицию пазырыкцев, снабжавших усопших вождей ездовыми лошадьми небесных мастей. До революции и после нее обряды посвящения лошадей совершали са-

ха, предки которых исторически были связаны с кочевниками Центральной Азии.

V. E. Vasiliev

Altai in the light of the cult of the mountain and sky: to the problem of the origin of the toponym

Annotation. The article suggests a working hypothesis that the root of the toponym «Altai» is the semantics of the sacred mountain, which at the tribal, tribal, and then national-ethnic level symbolizes the sacred center of the universe, associated with the cults of ancestors and deities. The ethnographic materials of T. D. Dyrenkova testify to the close connection of the cult of mountains with the spirits-ancestors of shamans, who acted as defenders of the genus and tribe of the Turks of the Altai-Sayan highlands. This information, in our opinion, is confirmed by etymological experience of comparisons of Turkic-Mongol and partly tunguso-Manchu terms. The semantic unity or close similarity of the concepts of mountain, ancestors and sky can shed light on the archaic beliefs of the Turkic ethnic groups, whose shamanism dates back to the common Altaic layer of culture. Thus, it can be assumed that the cult of the sacred Altai existed in the Neolithic past, even before the bronze age and the culture of the early nomads of the Scytho-Saka world. **Keywords:** *Altai, Turks, Mongols, Ethnography, etymology, semantics, cults.*

Источники и литература

1. Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во Якутск. гос. ун-та, 1993. 200 с.
2. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3-х т. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 1958; Т. 2. 1959; Т. 3. 1959. 3858 стб.
3. Гурулев С. А. Что в имени твоём, Байкал? Новосибирск: Наука, 1982. 110 с.
4. Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. Москва: Наука, 1985. 144 с.
5. Васильев В. Е. Традиционные верования по преданиям саха. Якутск: Бичик, 2006. 96 с.
6. Крымско-татарская энциклопедия / сост. Р. И. Музафаров. Симферополь: Ватан, 1993. 426 с. (Ч. I: А–К).
7. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 180 с. (Ч. I: А–Дь).
8. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
9. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
10. Боло С. И. Фольклорные материалы, вошедшие в сборник № 4. 1936 г. // Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Академии наук (Архив ЯНЦ СО РАН) Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. 363 л.
11. Окладников А. П. Олень Золотые Рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Санкт-Петербург: ФФ СПбГУ; Петрополис, 2013. 192 с.
12. Сем Т. Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока: XIX–XX вв. (Типология и семантика образов) / отв. ред. Т. П. Роон, М. М. Прокофьев. Южно-Сахалинск: Сахалинский обл. краевед. музей, 2013. 240 с.
13. Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. Москва: Вост. лит., 2005. 1053 с.
14. Татаринцев Б. И. О происхождении тюркского наименования неба (*tangri* и его соответствия) // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 72–84.
15. Монгол-казах толь / сост. Б. Базылхан. Улан-Батор: Ёлгий, 1984. 885 с.
16. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
17. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюрк. и межтюрк. јсновы на гласные). Москва: Наука, 1974. 767 с.
18. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I (А–Е). 224 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. Т. I (А–Д). 576 с.